

Розділ 1.

СМІШНЕ В БУТТІ ТА ПІЗНАННІ ЛЮДИНИ

УДК 009:168.522   *Александр Афанасьев, Ирина Василенко*
ИРОНИЯ И СМЕХ

Отражая реальные свойства объектов, ирония всегда остается субъективной. На пути становления иронии как категории, стиля, метода она не утрачивала своего смехового содержания. Любое определение вида или формы иронии должно включать смеховую составляющую, поскольку смех остается неустраняемым элементом иронии во всех ее проявлениях.

Ключевые слова: *ирония, смех, трагическая ирония, эпическая ирония, объективная ирония, философская ирония, ирония истории.*

Ирония – один из самых ярких феноменов человеческой культуры. Трудно указать ту сферу деятельности или исторический период нашей цивилизации, когда это явление не играло важной роли. От античной комедии до современного искусства, от обыденной разговорной речи до литературных и философских изысков – везде ирония находила себе место. Но если в прошлом ирония использовалась как вспомогательное средство наряду с другими для достижения некоторой цели, то в последнее время она превращается в определяющий фактор, в преобладающий стиль или метод: в литературе, в философии, в быту, становясь порой самоцелью. Не случайно говорят, что XX век стал веком иронии [18; 9, с. 108], хотя точнее было бы сказать – конца XX века. Это справедливо и для XXI века, когда ирония выступает не только основой литературных или философских направлений [17], но часто становится жизненной позицией и способом мышления, хотя, разумеется, встречаются и противники иронической картины мира [9, с. 107–139].

Ирония достаточно хорошо изучена, особенно в литературоведении, философии, эстетике [20; 11, с. 326–360] и, тем не менее, этот феномен остается весьма загадочным, особенно в силу своего бесконечного многообразия. Для теории смеховой культуры весьма актуальна проблема соотношения иронии и смеха, как в силу разнообразия точек зрения по данному поводу, так и в плане построения собственно теории смеха. Действительно, если относительно многих культурных явлений существуют хорошо разработанные теории, и даже сам смех в ряде концепций, например, в эстетике комизма представлен весьма обстоятельно, то относительно собственно феномена смеха теории не создано и даже предпосылок к ее созданию не так много [7; 1, с. 168–175]. Между тем, путь к уяснению сущности смеха во многом определяется его соотношением с сопутствующими феноменами, каковым, безусловно,

является ирония. Вопрос о соотношении иронии и смеха и станет целью данной статьи.

Внешне ирония отличается серьезностью высказываний, но по сути это всегда насмешка: добрая или злая, мягкая или жесткая, юмористическая или саркастическая.

Ирония делает акцент не на объекте повествования или изображения, а на субъекте, который оценивает указанный объект. В этом смысле ирония всегда субъективна. «Увидеть нечто ироническое в жизни означает представить себе это как ироническое. Это активность, которая предполагает кроме широкого жизненного опыта и высоты жизненной мудрости искусство, соединенное с остроумием, которое включает в себя видение сходного в вещах несхожих, раздельного – в вещах, которые кажутся одинаковыми, исключение неуместного, умение видеть дрова несмотря на то, что это пока дерево, и быть готовым к коннотации и вербальным отголоскам. Это означает, что, строго говоря, ирония есть потенциальное в феномене, и актуализируется оно только, когда иронический наблюдатель представляет ее себе или когда иронический автор представляет ее другим» [24, р. 39].

Итак, ирония не может быть объективной. Выражение «объективная ирония» означает особую разновидность иронии, в отличие, например, от «эпической иронии». «Объективная» ирония в литературе, искусстве, философии подразумевает неизбежный ход событий, независимый от субъекта – участника данных событий, из-за чего создается впечатление объективного, закономерного и даже фатального течения процесса. Ее часто называют «иронией судьбы». Так, в пьесе Софокла «Царь Эдип», как и в соответствующем мифе про Эдипа, отцу Эдипа, провинившемуся перед богами, былауготована гибель от руки ни в чем не повинного сына, который, к тому же, еще вынужден был жениться на собственной матери. Существенно, что субъект должен знать о предназначенной ему судьбе и пытаться ее изменить, что и рождает смеховую коллизию. Так отцу, а позже и достигшему совершеннолетия Эдипу, пифия предрекла их судьбу. Смешное в данной истории, с точки зрения отстраненного, равнодушного, независимого наблюдателя, состоит в том, что герои делают все возможное, чтобы изменить судьбу, но совершаемые поступки точно реализуют предназначенное судьбой. В частности, Эдип убивает своего отца и женится на своей матери, естественно, до поры до времени не зная, что это отец и мать. По-человечески судьба Эдипа, как и его родителей, трагична, почему Софокл и назвал свою пьесу трагедией. Но с позиции «объективной» судьбы, творящей, по сути, произвол, его борьба с предначертанием смешна. Отсюда и выражение «ирония судьбы».

Аналогично «объективная» ирония реализуется в философии, например, как неизбежная закономерность исторического процесса в результате разнообразной, порой противоположно направленной деятельности людей. Так проявляется «ирония истории» в философии истории Гегеля, когда участники описываемых исторических событий, в отличие от самой истории, как реализации абсолютной идеи, которая, разумеется, знает все, не знают, что результаты их действий будут не такими, как ими планировались, а другими, и часто прямо противоположными замыслу. Поэтому исторические агенты, от простолюдинов до могущественнейших государей, оказываются смешными игрушками в руках Провидения. «Объективная» ирония часто завершается гибелью или страданиями участников событий, из-за чего такую иронию называют трагической. Между тем, в основе трагической, как и любой другой иронии, всегда лежит смех – насмешка: злая, добрая, саркастическая, снисходительная, лирическая и пр. Характер насмешки определяется как автором, развернувшим перед читателем историю, так и интерпретатором, в том числе и самим читателем.

Таким образом, деление иронии на смешную и трагичную, как представляется некоторым авторам [17], является не вполне точным. Ирония всегда смешна, но этот смех не всегда является жестоким, часто ирония смягчает трагизм. Трагичное, окрашенное иронией, уже не кажется таким страшным. Типичный пример наблюдаем в рассказе А.П.Чехова «Учитель словесности». Там один из героев, учитель Рыжицкий, все время говорил известные всем вещи. По ходу рассказа он неожиданно умирает, но даже эта трагедия не воспринимается трагично, благодаря авторской иронии, заставляющей героя и перед смертью, в бреду, твердить банальности: «Волга впадает в Каспийское море... Лошади кушают овес и сено...» [22].

Не лишне подчеркнуть, что в ходе категориального развития слово «ирония» никогда не утрачивало смехового аспекта. С самого начала ирония понималась как насмешка, осмеяние. Этого смысла она не теряла ни в скрытности Теофраста, ни в лстивости Аристана, ни в риторике Квинтилиана. Даже превращаясь в «серьезное» философское действо у Сократа, ирония включала в себя смех. Сократовская ирония позволяла довести мнение собеседника до абсурда (тем самым высмеив его!) и начать вместе с ним поиск истины. При этом Сократ нередко притворялся сторонником собеседника, лстя и поддакивая ему, что особенно смешно выглядело со стороны, особенно с позиции знавших сократовский метод иронии учеников и соратников. Тот факт, что ирония сопрягается с духовной свободой по отношению к прочно устоявшимся мнениям, превращается в эстетическую игру, приобретает методологическое

значение как путь к истине и т. д., не уничтожает смехового ее смысла. Это проявляется, в частности, в использовании таких риторических фигур, как «осмеяние, чтобы восхвалять» и «восхваление, чтобы осмеивать».

Именно из-за этого смехового качества в средние века наблюдается, в основном, негативное отношение к иронии, прежде всего, со стороны философского и теологического официального мировоззрения. Только в народной смеховой традиции ирония, как одна из форм смеха, выражает иную мировоззренческую позицию, характеризуя бытие как неоднозначное, как своеобразную игру.

Философский вид иронии в ходе своего развития переплетается с романтической иронией, которая не теряет из виду ее смеховое содержание. Разумеется, понимание иронии романтиками, которые широко развернули философское исследование иронии, далеко не ограничивается ее смеховой составляющей. На передний план выдвигаются не менее важные ее особенности. Романтики представляют иронию и как особый способ «живого» мышления, и как способ познания бесконечного универсума, и как способ познания истины, рассматривают ее и как интеллектуальную, и как чувственную способность. Особый интерес вызывают у них парадоксальные качества иронии. В иронии, – писал Ф. Шлегель, – все должно быть шуткой, и все должно быть всерьез [10, с. 175–176]. То есть, подчеркивая парадоксальность иронии, Шлегель, естественно, не забыл о ее смеховой составляющей.

Г. Гегель, критикуя романтиков за субъективизм, тем не менее, ценил понимание иронии романтиками, особенно ее парадоксальность и отчетливую диалектичность, но, развивая свое диалектическое учение, не акцентировал внимание на смеховой стороне дела. У Гегеля, ирония обнаруживает «диалектический момент идеи, ... деятельность идеи, состоящую в том, что она отрицает себя как бесконечную и всеобщую, чтобы перейти в конечность и особенность, а затем в свою очередь снимает также и эту отрицательность и, таким образом, восстанавливает всеобщее и бесконечное в конечном и особенном» [4, с. 73]. Из этого вовсе не следует, что он исключал смешное из иронии, о чем свидетельствует его ирония истории, фактически насмехающаяся над историческими «деятелями», манипулируя которыми (и фактически насмехаясь над которыми) абсолютная идея творит ход истории.

Восприняв гегелевскую диалектику, К. Маркс усвоил и диалектическое понимание иронии, особенно его методологические возможности. Как подметили исследователи [3], Маркс, развивая концепцию социальной сущности человека, специально подчеркивает ее ироническое качество: действительным предметом описания там является не «эмпирический», а

«родовой человек», с адекватной последнему уже несколько иной основой, нежели та, которая характеризует видимое жизненное и социально-деятельное самоопределение отдельного эмпирического человека. Похоже, Маркс это осознал, поскольку отметил: «...всякий философ, отстаивающий имманентность против эмпирической личности, прибегает к иронии» [15, с. 199].

Однако, чему в этом случае отводится роль насмешника, если абсолютная идея, выполнявшая такую роль у Гегеля, марксизмом отвергается? По-видимому, – самой истории, которая восполнила смеховую составляющую иронии, зло посмеявшись над марксистами, когда социальная сущность человека реализовалась в античеловеческой сталинской тоталитарной социально-политической и экономической системе.

В этой связи представляется важным не забывать о смеховом содержании иронии, даже тогда, когда анализируют или используют одни ее качества, абстрагируясь от других. Поэтому следует считать неудовлетворительными те определения иронии, в которых отсутствует смеховой оттенок, когда ирония трактуется лишь как употребление слов в отрицательном смысле, прямо противоположном заявленному. Возможно, это связано с буквальным переводом слова «ирония» с греческого как притворства. Во всяком случае, у маститых авторов присутствует такое значение слова, правда, как одно из нескольких, ими представленных. Можно сослаться на В. Даля, у которого одно из толкований иронии не подразумевает смешное: «**ирония** – речь, которой смысл или значение противоположно буквальному смыслу слов». Но далее Даль дополняет это толкование, добавляя другую трактовку: «насмешливая похвала, одобрение, выражающее порицание; глум» [5]. В академических словарях можно обнаружить одно среди нескольких значений иронии, в котором не указана смеховая составляющая: «Стилистический оборот, фраза, слово, в которых преднамеренно утверждается противоположное тому, что думают о лице или предмете [12].

По-видимому, во избежание недоразумений, в любые определения иронии, которые могут и должны различаться в зависимости от сферы применения, обязательно нужно вводить смеховую составляющую.

Не будет преувеличением сказать, что настоящее царство иронии – литература. Именно здесь она реализуется практически во всех своих проявлениях, и в этой сфере человеческого духа она изучена наиболее полно. Один из крупнейших литературоведов мира Н. Фрай в теории литературных модусов подчеркнул, что, в отличие от четырех других (миф, легенда, героика, обыденность), пятый иронический модус способен

сообщить читателю чувство интеллектуального превосходства над объектом изображения [19]. Чувство превосходства напрямую связано со смеховым качеством иронии. Именно в смехе реализуется чувство превосходства над осмеянным, как свидетельствуют Платон, Аристотель, Гоббс, Ницше и другие адепты так называемой «теории превосходства» [16]. Впрочем, многообразные проявления смехового содержания иронии гораздо шире указанной теории.

Литература предоставляет, пожалуй, самые большие возможности для реализации бесконечно многообразных качеств иронии. Но полнее всего здесь проявляется так называемая эпическая ирония. Т. Манн, внесший наибольший вклад в изучение эпической иронии и выделивший огромное количество ее оттенков, полагал ее основным принципом реализма, и подчёркивал, что ирония обеспечивает взгляд с высоты свободы и объективности, но в то же время может быть не только злостно-насмешливой, но и лиричной, с грустной, щадящей улыбкой, наполняться любовью и нежностью [14, с. 278]. В этом смысле он определял иронию как пафос середины [13, с. 603–604]. В таком качестве эпическая ирония обнаруживает едва ли не все оттенки смеха, но особенно сочувственного и смягчающего (не опровергающего, как в обычной иронии) первоначальные оценки.

Настоящим мастером такой иронии был А. П. Чехов. В рассказе «Учитель словесности» он часто пользуется лирическо-эпической иронией, когда возвышенное слегка приземляется, оценки смягчаются и частично сохраняются, а не меняются на противоположные. Так, описывая возвышенное состояние влюбленности главного героя Никитина, Чехов в ряд поэтически-эстетических предметов типа огней или неба, включает неэстетический и непоэтический силуэт завода, причем пивоваренного, а не производящего, к примеру, шампанское или духи. Завод, а тем более пиво, во времена Чехова никак не принадлежали к классу утонченных эстетических объектов. Никитин «был так счастлив, что земля, небо, городские огни, черный силуэт пивоваренного завода – все сливалось у него в глазах во что-то очень хорошее и ласковое» [22].

Для Чехова весьма характерна такая мягкая «перечислительная» ирония. Лирический настрой того же Никитина иронично описывается перечислением «поэтических» объектов: «пахло полем, зеленели молодые рожь и пшеница, пищали суслики, каркали грачи». Если молодая зелень еще может претендовать на эстетичность, то карканье птиц, в отличие от их музыкальных трелей – вряд ли. Музыкальную идиллию восторженный Никитин ощутил, проходя через город: «Но не у одних только Шелестовых жилось весело. Не прошёл Никитин и двухсот шагов, как и из другого дома

послышались звуки рояля. Прошёл он ещё немного и увидел у ворот мужика, играющего на балалайке. В саду оркестр грянул попури из русских песен...». Здесь в одном перечислительном ряду оказались: рояль в богатом интеллигентном доме, балалайка в руках безграмотного мужика и казенный солдатский оркестр как ироническая характеристика высокой гармонии.

Особенностью чеховской иронии является повторяющаяся деталь в описании речи героев, чаще всего это повторяющиеся ими словосочетания или высказывания, однозначно выражающие иронические авторские характеристики. В рассказе «Ионыч» [21] Иван Петрович Туркин, глава «умной и интересной» семьи губернского города С. (как представляют ее обыватели) изо дня в день, а потом и из года в год повторяет одни и те же остроты: «здравствуйте, пожалуйста», «недурственно» и прочие. Такие чеховские повторы существенно корректируют заявленную в начале рассказа характеристику этой семьи как «самой образованной и талантливой», но не отменяют ее полностью. В рассказе «Учитель словесности» глава семейства Шелестов постоянно повторяет: «Это хамство. Хамство и больше ничего. Да-с, хамство-с!». Его старшая дочь, вечная спорщица Вера использует постоянно повторяющийся «решающий» аргумент: «Это старо!» или «Это плоско!» Ипполит Ипполитыч Рыжицкий, коллега Никитина, учитель географии и истории, говорил только о том, что всем давно уже известно. «Теперь май, скоро будет настоящее лето. А лето не то, что зима. Зимой нужно печи топить, а летом и без печей тепло...» Поздравляя Никитина с женитьбой, он прочувственно говорил: «До сих пор вы были не женаты и жили одни, а теперь вы женаты и будете жить вдвоем» [22].

Во многих рассказах Чехова присутствует ирония по поводу однообразия повторяющихся мотивов быта, особенно семейного. Описание однообразного, повторяющегося провинциального быта вообще характерно для русской литературы XIX века. Эту особенность М. М. Бахтин определил, как хронотоп провинциального городка. «Такой городок – место циклического бытового времени», там «нет событий, а есть повторяющиеся «бывания». Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Изо дня в день повторяются те же бытовые действия, те же темы разговоров, те же слова и т.д. Люди в этом времени едят, пьют, спят, имеют жён, любовниц (безроманных), мелко интригуют, сидят в своих лавочках или конторах, играют в карты, сплетничают. Это обыденно-житейское циклическое бытовое время. Оно знакомо нам в разных вариациях и по Гоголю, и по Тургеневу, по Глебу Успенскому, Щедрину, Чехову» [2, с. 396].

Некоторые авторы считают, что мотив однообразия восходит у Чехова к ветхозаветной Книге Экклезиаста, оказавшей сильное воздействие на Чехова [6]. Иногда исследователи даже полагают, что мироощущение чеховских героев обусловлено формулой «возвращение на круги своя»: «нет ничего нового под луной» — это безотрадное изречение, кажется, рождено для героев Чехова» [8, с. 461, 463]. Действительно, в Книге Экклезиаста говорится о вечном круговороте: «Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои <...> Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» [23]. Однако там нет пессимистического (как и оптимистического) подтекста. Интерпретация указанных изречений может быть вполне оптимистической, в духе циклического возрождения жизни. У чеховских же героев наблюдается неудовлетворенность пошлостью повторяющегося бытового однообразия, повторяющегося «бывания». Чеховская сочувственная ирония позволяет увидеть, что они сами творцы этой пошлости и ничего менять не будут. Тот же Никитин, однажды, устыдившись, что не читал Лессинга, решил было, что обязательно надо восполнить этот пробел. Но тут же отказался от этой идеи. Однообразие «бывания» для них не такое уж трагичное, как это могло бы показаться. Даже финал рассказа «Учитель словесности», где кажется, что Никитин готов на себя руки наложить из-за осознания пошлости своей жизни, не воспринимается столь трагично, поскольку перед этим Никитин приятно улыбался и говорил с коллегами о пустяках, а чуть позже приятно улыбался и помогал жене угощать гостей, хотя и коллеги, и родственники не были ему приятны. Чеховский повтор о приятной улыбке не случаен: очевидно, что Никитин всегда будет приятно улыбаться и влачить свое «бывание».

Таким образом, ирония имеет неустранимое смеховое содержание. Многообразные оттенки объективной, трагической, романтической, философской, эпической иронии сопряжены с бесчисленными смеховыми оттенками: от саркастического смеха до сочувственной улыбки. Поэтому любое определение многообразных форм иронии должно включать указание на смеховую составляющую.

Список использованной литературы

1. Афанасьев А. И. На пути к науке о смехе // ДОХА. ДОКСА. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип.1 (22).– Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечникова, 2012.– С. 1–10.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики.– М: Худ. лит, 1975.– 504 с.
3. Борисов Б. П. Ирония концепции социальной сущности человека К. Маркса. Автореф. дисс. д-ра филос. наук.– Краснодар, 2001.– 35 с.

4. Гегель Г. Лекции по эстетике // Гегель Г. Сочинения.– Т. 12.– М.: Соцэкгиз, 1938.– 480 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-11612.htm>
6. Капустин Н. В. Чеховский герой в мире идиллии [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200700809>
7. Криштафович И. А. Теория юмора [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.humortheory.com/index.php/teoriya-yumor/464>
8. Лакшин В. Я. Толстой и Чехов.– М: Сов. писатель, 1963.– 569 с.
9. Левит-Броун Б. На Бога надейся.– СПб: Алетейя, 1998.– 355 с.
10. Литературная теория немецкого романтизма.– Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.– 329 с.
11. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. Истрия эстетических категорий.– М.: Искусство, 1965.– 373 с.
12. Малый академический словарь русского языка [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-11612.htm>
13. Манн Т. Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма // Манн Т. Собр. соч.: В 10 т.– Т. 9.– М.: Худ. лит., 1961.– С. 487–607.
14. Манн Т. Искусство романа // Манн Т. Собр. соч.: В 10-и т.– Т. 10.– М.: Худ. лит., 1961.– С. 272–278.
15. Маркс К. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений.– М.: Госполитиздат, 1956.– С. 99–215.
16. Мельников С. С. Социология юмора: к критике трех фундаментальных теорий смешного // Вестник экономики, права и социологии.– 2015.– Вып.1.– С. 213–217.
17. Пигулевский В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму.– Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002.– 418 с.
18. Трегьякова Е. Ирония в структуре художественного текста [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=443&level1=main&level2=articles>
19. Фрай Н. Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г. К. Косикова.– М.: Изд-во Московского университета, 1987.– С. 232–263.
20. Черданцева И. В. Ирония: от метода философствования к концепту «Я-философ-ироник».– Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006.– 312 с.
21. Чехов А. П. Ионыч // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького.– Т. 10. [Рассказы, повести], 1898–1903.– М.: Наука, 1977.– С. 24–41.

22. Чехов А. П. Учитель словесности // Чехов А. П. Сочинения: В 18 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького.– Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892–1894.– М.: Наука, 1977.– С. 310–332.
23. Экклезиаст. 1:6, 9.
24. Muecke D. C. Irony and the ironic.– London and New York: Methuen & Co., 1982.–110 p.

Олександр Афанасьєв, Ірина Василенко
ІРОНІЯ І СМІХ

Відображаючи реальні властивості об'єктів, іронія завжди залишається суб'єктивною. На шляху становлення іронії як категорії, стилю, методу вона не втрачала свого сміхового змісту. Будь-яке визначення виду або форми іронії повинно включати сміхову складову, оскільки сміх залишається непереборним елементом іронії у всіх її проявах.

Ключові слова: іронія, сміх, трагічна іронія, епічна іронія, об'єктивна іронія, філософська іронія, іронія історії.

Alexandr Afanasyev, Irina Vasilenko
IRONY AND LAUGHTER

Externally, the irony is distinguished by statements seriousness, but in fact it is always a mockery: good or bad, soft or hard, humorous or sarcastic. The irony does not focus on the object of the narrative or image, but on the subject, which evaluates the specified object. In this sense, the irony is always subjective. The term «objective irony» in literature, art, and philosophy implies an inevitable course of events, because of what there is an impression of fair and even fatal course of the process. It is often called «the irony of fate». «Objective» irony often ends with death or suffering of participants in the events, which is why it is called a tragic irony. Meanwhile, a base of the tragic irony, like any other irony, is always a laugh - a mockery. Character of a mockery is defined by the author who has unfolded a story to the reader, and by the interpreter; reader.

The definitions of irony, where there is no shade of humor, should be regarded as unsatisfactory. The irony has unavoidable content of laughter. The many shades of objective, tragic, romantic, philosophical, epic irony are paired with countless shades of laughter from sarcastic laughter to a sympathetic smile. Therefore, any determination of diverse forms of irony should include an indication of laughter component.

Keywords: irony, laughter, tragic irony, the irony of epic, objective irony, philosophical irony, the irony of history.

References

1. Afanasev A. I. (2014) Na puti k nauke o smehe [On the way to the science of laughter] // *DOKSA. Zbirnik naukovih prats z filozofiyi ta filologiyi*. Vip.1 (22), Odesa, ONU Im. I. I. Mechnikova, dd. 1–10.
2. Bahtin M. M. (1975) Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics], Moscow, Hud. lit, 504 d.
3. Borisov B. P. (2001) Ironiya kontseptsii sotsialnoy suschnosti cheloveka K. Marksa. Avtoref. diss. d-ra filos. nauk. [Irony concept of social essence of the person of Karl Marx. Author. diss. Dr. Philosophy Sciences], Krasnodar, 35 d.
4. Gegel G. (1938) Lektsii po estetike [Lectures on aesthetics], Sochineniya, T.12, Moscow, Sotsekgiz, 480 s.
5. Dal V. Tolkoviy slovar zhivogo velikorusskogo yazyika [Explanatory dictionary of russian language], available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-11612.htm>
6. Kapustin N. V. Chehovskiy geroy v mire idilii [Chekhov's hero in the world of idyllic], available at: <http://lit.lseptember.ru/article.php?ID=200700809>
7. Krishtafovich I. A. Teoriya yumora [Theory of humor], available at: <http://www.humortheory.com/index.php/teoriya-yumor/464>
8. Lakshin V. Ya. (1963) Tolstoy i Chehov [Tolstoy and Chekhov]. Moscow, Sov. pisatel, 569 d.
9. Levit-Broun B. (1998) Na Boga nadeysya [In hope of God], SPb, Aleteyya, 355 d.
10. (1934) Literaturnaya teoriya nemetskogo romantizma [The literary theory of German romanticism]. Leningrad, Izd-vo pisateley v Leningrade, 329 d.
11. Losev A. F. Shestakov V. P. (1965) Istoriya esteticheskikh kategoriy [The history of aesthetic categories], Moscow, Iskusstvo, 373 d.
12. Malyiy akademicheskii slovar russkogo yazyika [Small academic dictionary of the russian language], available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-11612.htm>
13. Mann T. (1961) Gete i Tolstoy. Fragmenty k probleme gumanizma [Goethe and Tolstoy. Fragments of a humanity problem], *Sobr. soch.* V 10 t., T. 9, Moscow, Hud. lit., dd. 487–607.
14. Mann T. (1961) Iskusstvo romana [Art of novel], *Sobr. soch.* V 10-i t. T. 10, Moscow, Hud. lit., dd. 272–278.
15. Marks K. (1956) Tetrady po istorii epikureyskoy, stoicheskoy i skepticheskoy filosofii [Notebooks on the history of the epicurean, stoic and skeptical

- philosophy]. Marks K., Engels F. *Iz rannih proizvedeniy, Moscow, Gospolitizdat*, дд. 99–215.
16. Melnikov S. S. (2015) Sotsiologiya yumora: k kritike treh fundamentalnykh teoriy smeshnogo [Sociology humor: to criticize the three fundamental theories ridiculous], *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. Vyp.1, дд. 213–217.
  17. Pigulevskiy V. O. (2002) Ironiya i vyimysel: ot romantizma k postmodernizmu. [The irony and fiction: from romanticism to postmodernism: Scientific publication], *Rostov-na-Donu, Foliant*, 418 д.
  18. Tretyakova E. Ironiya v strukture hudozhestvennogo teksta [Irony in the structure of a literary text], available at: <http://www.relga.ru/EnviroWebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=443&level1=main&level2=articles>
  19. Fray N. (1987) Anatomiya kritiki [Anatomy of criticism], *Sarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX-XX vv. Traktaty, stati, esse*. Sost., obsch. red. G. K. Kosikova, *Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta*, дд. 232–263.
  20. Cherdantseva I. V. (2006) Ironiya: ot metoda filosofstvovaniya k kontseptu «Ya-filosof-ironik» [Ironically: from philosophizing method to the concept of “I-philosopher-ironist”]. *Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta*, 312 д.
  21. Chehov A. P. (1977) Ionyich [Ionyich]. *Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gorkogo. T. 10. [Rasskazy, povesti], 1898–1903. Moscow, Nauka*, дд. 24–41, available at: <http://chehov.niv.ru/chehov/text/ionych.htm>
  22. Chehov A. P. (1977) Uchitel slovesnosti [Teacher of literature]. *Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR; In-t mirovoy lit. im. A. M. Gorkogo. T. 8. [Rasskazy. Povesti], 1892–1894. Moscow, Nauka*, дд. 310–332, available at: <http://chehov.niv.ru/chehov/text/uchitel-slovesnosti/uchitel-slovesnosti-1.htm>
  23. Ekkleziasht. [Ecclesiastes] 1:6, 9.
  24. Muecke D. C. (1982) Irony and the ironic [Irony and the ironic]. *London and New York, Methuen & Co*, 110 p.

УДК159.942.3+316.77+128

Сергей Шевцов

СМЕХ КАК СМЕРТЬ

Предметом статьи является рассмотрение функции смеха в процессе коммуникации. Смех обрывает коммуникацию, исключая возможность ее продолжения. Это оказывается осуществимым за счет того, что смех вскрывает в сообщаемой информации более глубокий онтологический уровень и наглядно демонстрирует несовместимость формы дискурса с подобной онтологической характеристикой. Сделать нечто смешным в сфере идеологии означает тем самым разоблачить онтологические притязания идеологических форм. Отказ от признания за тем или иным явлением онтологического статуса означает обращение его в ничто. В художественной и в повседневных сферах ничто традиционно предстает как смерть.

Ключевые слова: смех, коммуникация, смерть, знание, отрицание, уничтожение, убеждение, представление.

Сопряжение этих понятий не имеет парадоксального характера: В. Я. Пропп, установивший тождество смеха и жизни для архаического сознания¹, в своей книге «Русские аграрные праздники» назвал шестую главу «Смерть и смех» [11, с. 81–123]; «Смех и смерть» назвал раздел своей статьи «О метафизике смеха» Л. Н. Столович [14, с. 253 и сл.]. Хотя в обоих случаях смех понимается как утверждение жизни, речь в этих двух случаях идет о вещах близких, но различных. В. Я. Пропп пишет о присутствии смеха при обрядовом убийстве или обрядовых похоронах мифических существ, чья смерть должна обеспечить воскресение и повышение/сохранение уровня плодородия («древние славяне... приписывали смеху особую магическую силу – способствовать поднятию и усилению производительных сил природы...» [14, с. 123]). Л. Н. Столович пишет о метафизическом уровне – свойстве смеха утверждать жизнь, разоблачая отжившее, устаревшее в современной жизни, при этом на самых разных уровнях, от шуток в отношении жизни отдельного частного человека до революционных преобразований всего общества.

Связь смеха со смертью в рамках изучения культуры уходит глубоко в архаику, где находит различные проявления. Выражение «сардонический смех» (σαρδάνιος) стало поговоркой, относящейся главным образом к людям, смеющимся в момент своей смерти/гибели. Оно встречается у Гомера в «Одиссее», где отнесено к несущему возмездие Одиссею, отвечающему сардонической улыбкой на брошенную в него в качестве «подарка» коровью ногу со стороны одного из женихов Пенелопы². То,